

РУШНИКИ

Мелодия возникла вдалеке за околицей, там, где над сонной речкой лениво плыл редкий туман. Сначала несмело, а потом все увереннее и звонче набирала она высоту, приближалась и заполняла собою и чуткую деревенскую тишину, и сладко замершее вдруг сердце. Я не слышал раньше этой песни, подался навстречу ей, озорной и распевной, незнакомой и в то же время родной. Вот уже рассыпались, побежали вприпрыжку по улице частушки, зазвучал девичий смех, а во мне все никак не могла утихнуть какая-то расстрелованная струна...

Вот так около десятка лет назад встретился я впервые с песней Николая Макаровича Петренко на слова молодой поэтессы Веры Вербы. Встретился — я принял всем сердцем. Потом я много раз слышал «Рушники» и с концертной сцены, и за праздничным столом в украинском селе, и в поселке молодых покорителей Сибири.

И вот передо мной — патефонная пластинка. На этикетке читаю: «Белорусская народная песня «Рушники». Так народ признал своим произведение Николая Петренко, коммуниста, учителя, самостоятельного композитора.

С детства Николай привык к просторам, лесам, буйному, размашистому полюводью. Отец его — один из активных организаторов колхоза в полесской деревне Барбаров был страстным рыбаком, чуть ли не половину отведенных ему дней провел в лодке. И еще он любил музыку, с упоением играл на мандолине, гармошке,

Судьбы людские

гитаре, балалайке. Вместе с умением плести рыбацкие сети перенимал от него Николай искусство извлекать из струн мелодии полюбившихся песен...

Не по отцовской дороге пошел Николай — поступил в минский институт, стал учителем. Но вот любовь к музыке берег всюду и донес до седых волос...

Минувшую войну Николай Макарович начал политукомминометчиком...

— Ранило меня в первый же день осколком вражеского снаряда, — вспоминает он. — Очнулся в каунаском госпитале, когда уже в город входили фашисты. Потом — концентрационные лагеря, каторжная работа на заводе по переработке руды. Летом 1943 года Николай Петренко вместе с товарищем совершили диверсию на заводе, убежали. Несколько суток пробирались по Германии. Но снова попали в лапы фашистов...

Было еще два побега. И наконец — Любекский залив, плавающая тюрьма «Кап Аркона». Об этом страшном корабле уже много написано. Надлетели английские самолеты, сбросили бомбы. В морских волнах остались тысячи узников гитлеровских концлагерей.

— Четыре с половиной тысячи было нас на «Кап Аркона». Спаслось в тот день 223... — Николай Макарович умолкает, и я понимаю, что ему больно дальше продол-

жать разговор о своих побратимах, жертвах фашизма...

На столе композитора — нотные тетради, письма. Он — заместитель директора по учебной части, преподаватель белорусской литературы и музыки Полоцкого педагогического училища имени Франциска Скорины.

На счету у него, заслуженного учителя школы БССР, более сотни песен. Последние пятнадцать лет не было ни одной декады самодеятельного искусства республики, где бы в концертах Витебской области не звучала музыка Николая Петренко. Кроме знаменитых «Рушников», полюбились землякам «Вишни спелые», «Метелица», «Ой, сторонка ты моя лесная», «Край мой, белорусский» и другие.

Знакомит нас с новинками. В последнее время написал восемь песен о Владимире Ильиче: «У Мавзолея» — слова П. Бровки, «Славим Ильича» — слова народные и другие.

Мы выходим в город, идем зимними заснеженными улицами древнего Полоцка. У Николая Макаровича по-молодому порывистый шаг, весь он бодрый и задорный — встречные и не догадываются, что за плечами у него полвека, крутая дорога нечеловеческих трудностей и испытаний. Вспоминаю строки из писем его учеников: «Примером воспитателя и человека я считаю Николая Макаровича...», «Незабываемы на всю жизнь его уроки»...

Г. БУРАВКИН.
(Корр. «Правды»).

г. Полоцк.